

ЛИНА МАК

ШАЛЕВШИЙ

подарок для
Морозова

18+

Сибирская любовь. Растопи моё сердце

Лина Мак

**Ошалевший подарок
для Морозова**

«Автор»

2026

Мак Л.

Ошалевший подарок для Морозова / Л. Мак — «Автор»,
2026 — (Сибирская любовь. Растопи моё сердце)

Они привыкли жить так, чтобы не привязывать, не любить, не искать приключений. Тишина и одиночество стали их лучшими друзьями. Но у судьбы, на таких особей, всегда свои планы. И чем сильнее сопротивление, тем больше притяжение.***— Убери. Это. Животное, — процедила она, не сводя с меня пылающий зелёных глаз.— Это не животное, — сказал я, опираясь плечом о косяк и скрещивая руки на груди. — Это хозяин дома. Точнее, его половина. Вторая половина — я. А вот ты кто такая?— Я — гостя, которая заплатила за этот дом, — зло прошипела она.— Да ну? — я хмыкнул. — Странно. Я его не сдавал. И баб, знаешь ли, не заказывал. Зелёные глаза сузились. Медленно, демонстративно она отодвинула морду Гладиатора ладонью, и, клянусь, этот дурак послушно сел. — А я не заказывала мужика с собакой в комплекте, — отчеканила она, вставая. — Так что мы квиты. А теперь, будь добр, объясни, какого чёрта ты вламываешься ночью в моё шале?

© Мак Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лина Мак

Ошалевший подарок для Морозова

Глава 1

Снег за окном летел навстречу, словно пытаюсь догнать состав. Белые хлопья разбивались о стекло и таяли, оставляя мокрые дорожки, похожие на слёзы. Я не плакала. Давно разучилась. Слёзы — это роскошь для тех, кого жалеют. А меня никто не жалел. Да я и сама себя не жалела.

Тридцать лет. Через неделю мне стукнет тридцать, и я впервые за всю свою сознательную жизнь еду отдыхать. Одна. Без оглядки на маму, на Милану, на бесконечные "Каролина, ты же старшая, ты же должна". Должна, должна, должна... Как заезженная пластинка, которую невозможно остановить.

Я откинулась на спинку сиденья, разглядывая собственное отражение в окне. Рыжие волосы — подарок от бабушки, единственного человека, который любил меня просто так, без условий и упрёков. Яркая помада, чёрная дублёнка с воротником из натурального меха, дорогие ботфорты. Всё, что я ношу, я заработала сама. Каждую чёртову нитку.

Телефон завибрировал. Я даже не посмотрела на экран — знала, кто звонит. Материнская интуиция работает в обе стороны: я всегда чувствовала, когда мама соберётся испортить мне настроение.

— Алло, — бросила я сухо, не пытаюсь изобразить радость.

— Каролина, наконец-то! — голос матери звучал так, будто я пропадала неделю, а не села в поезд несколько часов назад. — Ты где?

— Еду. Говорила же.

— Еду, еду... — передразнила она с тем самым интонациям, от которых хотелось швырнуть телефон в окно. — Мы тут с Миланой хотели тоже отдохнуть. Ты могла бы нас взять с собой.

Я сжала переносицу пальцами, чувствуя, как наливается тяжестью затылок. Классика. Абсолютная, предсказуемая классика.

— Мам, я еду одна. Специально одна. Это мой отпуск.

— Вот именно, твой! — в её голосе прозвучала обида, густая и липкая, как патока. — Ты всегда думаешь только о себе. Милана так устала, ей нужен отдых, а ты...

— Милане двадцать три года, — перебила я, стараясь держать голос ровным. — Пусть сама заработает на свой отдых.

— Она ищет себя! Ты же знаешь, как ей тяжело! А ты вечно...

Я закрыла глаза, представляя, как мама сидит на кухне в той самой квартире, которую я купила. На её лице — привычное выражение мученицы, которой достались две дочери, одна из которых — бессердечная эгоистка.

— Мам, у меня скоро день рождения, — произнесла я тихо, почти обречённо.

— Знаю, знаю. Тридцать лет, а всё одна. Когда ты уже найдёшь нормального мужчину? Или тебе работа важнее?

Вот оно. Я даже засекла — ровно тридцать секунд разговора, и мы дошли до моего главного греха: я не замужем.

— Мне нужно идти, — я не дала ей продолжить. — Связь плохая.

— Каролина, мы ещё не...

Я сбросила звонок. Резко. Безжалостно. И абсолютно без сожаления.

Телефон тут же завибрировал снова, но я перевела его в авиарежим и сунула в сумку. Всё. Хватит. Две недели — четырнадцать дней — мне не будет до них никакого дела. Я куплю себе тишину, одиночество и покой. Пусть даже за безумные деньги.

Шале в горах. Снег. Тишина. Никаких упрёков, никаких "ты же старшая", никаких мужчин, которые смотрят на мою грудь, а не в глаза. Просто я и горы.

— Девушка, может, чаю? — проводница заглянула в купе, улыбаясь приветливо.

— Спасибо, не нужно.

Я снова уставилась в окно. Снег шёл всё сильнее, превращая мир за стеклом в белое безмолвие. Красиво. Чисто. Холодно.

Как я.

Глава 2

Гладиатор ткнулся мокрым носом мне в ладонь, требуя внимания. Я машинально почесал его за ухом, не отрываясь от ноутбука. Цифры, графики, отчёты — всё сливалось в одно серое месиво. Прибыль растёт, базы загружены, новый проект в горах окупится через год. Успех. Я должен был чувствовать удовлетворение.

Но чувствовал только пустоту.

— Артур Олегович, вы смотрели презентацию? — голос менеджера Светы звучал в динамике телефона слишком бодро для девяти вечера.

— Смотрел, — соврал я, закрывая файл с отчётом. — Утверждаю. Давайте запускайте.

— Отлично! А по поводу базы в...

— Света, — перебил я, чувствуя, как накатывает раздражение. — Я устал. Решайте сами. Для этого я вам и плачу.

Повисла пауза. Света явно не ожидала такого ответа. Я всегда контролировал всё лично, до последнего винтика. Но сегодня... Сегодня мне было плевать.

— Хорошо, — она явно обиделась. — Тогда до завтра.

Я швырнул телефон на стол и потёр лицо ладонями. Тридцать семь лет. Три базы отдыха. Счёт в банке с семизначной суммой. Дом в городе, квартира в центре, машины. Всё, о чём мечтал в двадцать, когда пахал на трёх работах, чтобы просто выжить.

И ни черта из этого не делало меня счастливым.

Гладиатор заскулил, положив огромную голову мне на колени. Я посмотрел в его умные карие глаза.

— Ты прав, дружище. Пора сваливать.

Ошалевший подарок для Морозова

ЛИНА МАК

Пёс радостно гавкнул, виляя хвостом. Он всегда чувствовал, когда я собирался в горы.

Я поднялся, подошёл к окну. Город за стеклом мерцал огнями, сутился, жил своей жизнью. А я стоял здесь, в своей квартире с панорамными окнами и дизайнерским ремонтом, и чувствовал себя чужим.

Рука сама потянулась к телефону. Написать Тамиле? Она всегда была готова приехать. Всегда. С тех пор, как я вытащил её из того дерьма, в которое она сама себя загнала, выбрав Максима вместо меня.

Я усмехнулся. Нет. Тамила — это ошибка, которую я совершил однажды, поддавшись жалости. Помог с разводом, дал денег на квартиру, устроил на работу. Долг отдан. Но она всё не могла понять, что между нами ничего нет и не будет.

— Я не твой спасатель, — пробормотал я, убирая телефон в карман.

Гладиатор снова гавкнул, нетерпеливо.

— Да, да, едем. Собирайся.

Через полчаса я уже загружал вещи в машину. Немного — я привык путешествовать налегке. Пёс забрался на заднее сиденье, устроившись так, что занял всё пространство.

Мне нужно было в горы. В моё шале, куда я не пускал никого. Даже сотрудники базы не знали, что двухэтажный дом на отшибе принадлежит мне. Для них это был просто один из объектов, который я держал "на особых условиях".

Тишина. Снег. Никаких людей, никаких разговоров, никаких ожиданий. Только я, Гладиатор и горы.

Я завёл машину. Впереди несколько часов дороги, но я не спешил. Ночь, трасса, размеренное движение — именно это мне и было нужно.

Телефон завибрировал. Сообщение от Светы: "Артур Олегович, там по базе «Снежная» какая-то накладка с бронированием. Разбираемся".

Я набрал ответ: "Разбирайтесь" — и выключил звук.

Гладиатор высунул морду между сиденьями, дыша мне в ухо.

— Да, я знаю. Я плохой босс, — усмехнулся я, похлопав его по загривку. — Но сегодня мне насрать.

Машина плавно влилась в ночной поток. Город остался позади, впереди замаячили огни трассы. А ещё дальше — горы. Мои горы.

И я даже не подозревал, что еду навстречу женщине, которая перевернёт всю мою сука жизнь.

Глава 3

База отдыха встретила меня теплом, запахом хвои и глинтвейна. Я переступила порог административного здания, отряхивая снег с плеч, и сразу почувствовала, как напряжение последних месяцев начинает понемногу отступать. Здесь пахло деревом, корицей и спокойствием.

— Добрый вечер! — девушка за стойкой улыбнулась мне приветливо, но в её глазах читалась усталость. — Вы бронировали?

— Громова Каролина, — я выложила на стойку документы. — Шале "Рассвет", две недели.

Администратор — судя по бейджику, её звали Алина — начала что-то печатать на компьютере. Улыбка медленно таяла с её лица, сменяясь растерянностью.

— Одну секунду...

Она снова застучала по клавишам, нахмурившись. Потом покосилась на меня с виноватым видом.

Я почувствовала, как внутри что-то сжимается. Нет. Только не это.

— Проблемы? — я произнесла это слово так холодно, что Алина поёжилась.

— Понимаете, тут какая-то ошибка... — она залепетала, водя пальцем по монитору. — Ваше шале забронировано, но... оно забронировано дважды.

Пауза.

Я медленно положила руки на стойку, наклонилась ближе и посмотрела девушке прямо в глаза.

— Поясни. Медленно и внятно.

Алина сглотнула.

— Две брони на одно шале. Техническая ошибка. Я не понимаю, как так вышло, но... вторая бронь приоритетная, там...

— Стоп, — я подняла руку. — Какая ещё "приоритетная"? У меня полная предоплата, подтверждение на почте, договор. Я ехала сюда больше суток. И ты сейчас говоришь мне, что кто-то "приоритетнее"?

Голос мой оставался ровным. Я не кричала. Никогда не кричала. Крик — это эмоции, а эмоции — слабость. Я научилась резать словами так, чтобы собеседник чувствовал каждый миллиметр лезвия.

— Я... я сейчас позвоню управляющему, — Алина схватила телефон трясущимися руками.

Я выпрямилась, скрестив руки на груди. Усталость навалилась свинцовой плитой — дорога, нервы, звонок мамы, который я до сих пор не могла выбросить из головы. Всё, чего я хотела, — это добраться до тёплого дома, налить себе вина и рухнуть в кровать.

Но нет. Вселенная решила проверить меня на прочность. Опять.

— Управляющая сейчас подойдёт, — прошептала Алина, пытаясь улыбнуться.

Я не ответила. Просто стояла, буравя её взглядом. Пусть чувствует дискомфорт. Пусть знает, что её "техническая ошибка" — это чьи-то испорченные планы.

Через пару минут из подсобки вышла женщина лет сорока пяти, в строгом костюме и с натянутой улыбкой.

— Добрый вечер, я Ирина Васильевна, управляющая базы. Мне сказали, у нас проблема? — она окинула меня оценивающим взглядом.

— У вас проблема, — поправила я. — У меня бронь.

Ирина Васильевна прошла за стойку, заглянула в компьютер и поморщилась.

— Действительно... Досадное недоразумение. Видимо, произошёл сбой системы. Но я могу предложить вам альтернативу!

Я выгнула бровь.

— Слушаю.

— У нас есть свободное двухэтажное шале. Оно чуть поодаль от основной территории, но очень уютное, с камином, панорамными окнами... Вы будете в восторге! И, конечно, мы сделаем вам скидку за доставленные неудобства.

— Чуть поодаль — это сколько?

— Минут десять пешком через лес. Но дорожка расчищена, освещена. Красиво там очень!

Я помолчала, взвешивая варианты. Скандалить? Требовать? Уехать?

Нет. Я слишком устала, чтобы уезжать. И слишком упрямая, чтобы позволить каким-то техническим сбоям испортить мне отпуск.

— Хорошо, — кивнула я. — Но это временно. Как только освободится моё шале — переселите меня.

— Конечно, конечно! — Ирина Васильевна просияла. — Алина, оформляй! Ключи от "Северного".

Алина засуетилась, заполняя какие-то бумаги. Я машинально поставила подпись, взяла ключи. Тяжёлая металлическая связка с деревянным брелоком в виде медведя.

— Провожу вас, — предложила Ирина Васильевна.

— Не нужно. Справлюсь.

Я взяла свой чемодан и направилась к выходу. Холод ударил в лицо, когда я вышла на улицу. Снег хрустел под ногами, фонари вдоль тропинки светили мягко, создавая почти сказочную атмосферу.

Лес. Тишина. Только скрип снега и моё дыхание.

Может, оно и к лучшему. Подальше от людей — значит, никто не будет мешать.

Шале показалось через несколько минут. Двухэтажное, из тёмного дерева, с огромными окнами. Красиво. Уединённо.

Я поднялась на крыльцо, вставила ключ в замок и толкнула дверь.

Тепло. Пахло деревом и чем-то ещё... мужским одеколоном? Я нахмурилась. Наверное, здесь недавно кто-то жил.

Я внесла чемодан, скинула куртку, разулась. Поднялась на второй этаж. Спальня — огромная кровать, пушистый плед, окно во всю стену с видом на горы.

Идеально.

Я рухнула на кровать, зарывшись лицом в подушки.

Тишина. Наконец-то.

И я не знала, что через несколько часов эта тишина взорвётся рычанием огромного пса и появлением мужчины, который станет моей главной ошибкой.

Или главным подарком.

Глава 4

Дорогу замело к полуночи.

Последние километры я тащился почти на ощупь. Дворники не справлялись, фары выхватывали из темноты только белую стену. Гладиатор на заднем сиденье сопел и вздыхал, как старый дед, которому не дали досмотреть сериал.

— Потерпи, — бросил я через плечо. — Скоро будешь дрыхнуть у камина.

Пёс ответил тяжёлым «уф», которое у него означало «я тебе это припомню».

К шале я подъехал в начале второго. Заглушил двигатель и пару секунд просто сидел, слушая, как остывает мотор и как снег шуршит по крыше машины. Тишина. Та самая, ради которой я гнал сюда через полночи.

А потом я поднял глаза и нахмурился.

На первом этаже горел свет. Тусклый, из коридора, но горел.

Я точно помнил, что последний раз выключал всё сам. Персонал сюда без моего звонка не заходит. Таких звонков я не делал.

Внутри неприятно щёлкнуло, как будто кто-то взвёл курок. Не страх, нет. Раздражение. Холодное, злое раздражение человека, который приехал в своё логово и чует чужой запах.

Я выбрался из машины, открыл заднюю дверь. Гладиатор вывалился в сугроб, отряхнулся, обдав меня снегом с ног до головы, и рванул к крыльцу так, будто там его ждала миска с мясом.

— Стоять, — рыкнул я.

Хрен там. Пёс уже сидел у двери и нетерпеливо скрёб лапой.

Замок оказался не заперт.

Вот тут я разозлился по-настоящему.

Я толкнул дверь, и первое, что увидел в прихожей, — женские ботфорты. Чёрные, на шпильке, явно стоящие как месячная зарплата моего администратора. Рядом стоял чемодан ярко-красного цвета, будто его специально покрасили так, чтобы его было видно из космоса. На вешалке висела дублёнка с меховым воротником.

И запах. Поверх привычного запаха дерева и моего одеколona в доме висело что-то сладкое, тёплое, с горчинкой. Женские духи. Дорогие.

— Охренеть, — сказал я в пустоту.

Гладиатор, не дожидаясь команды, взлетел по лестнице. Сто килограммов живого веса пронесли по ступеням так, что задрожали перила.

— Гладиатор! Ко мне!

Ответом мне был визг.

Женский. Пронзительный. Такой, что у меня зазвенело в ушах, а с подоконника, кажется, осыпалась пыль.

Я поднялся вверх через ступеньку. Дверь в мою спальню была распахнута. Я щёлкнул выключателем.

Картина маслом.

На моей кровати, вжавшись спиной в изголовье, сидела рыжая. Не просто рыжая, а огненная: волосы растрёпаны, как языки пламени, глаза зелёные, бешеные, огромные. Подушку она прижимала к груди так, будто собиралась ею отбиваться. А мой пёс, предатель с родословной, стоял передними лапами на краю кровати, вилял хвостом и пытался лизнуть её в лицо.

— Убери. Это. Животное, — процедила она, не сводя с меня глаз. Голос дрожал, но не от страха. От ярости. Я это сразу почувствовал: так звенит натянутая струна, прежде чем лопнуть и рассечь тебе пальцы.

— Это не животное, — сказал я, опираясь плечом о косяк и скрешивая руки на груди. — Это хозяин дома. Точнее, его половина. Вторая половина — я. А вот ты кто такая?

Она моргнула. На секунду, всего на одну, в её взгляде мелькнула растерянность. А потом снова захлопнулась броня, как ставни перед бурей.

— Я — гостя, которая заплатила за этот дом.

— Да ну? — я хмыкнул. — Странно. Я его не сдавал. И баб, знаешь ли, не заказывал.

Зелёные глаза сузились. Медленно, демонстративно она отодвинула морду Гладиатора ладонью, и, клянусь, этот дурак послушно сел. Она откинула подушку и спустила ноги на пол. Оказалась в тонком свитере и узких джинсах. Видимо, уснула, даже не раздевшись.

— А я не заказывала мужика с собакой в комплекте, — отчеканила она, вставая. Ростом она была мне по плечо, но смотрела так, будто это я стоял перед ней на коленях. — Так что мы квиты. А теперь, будь добр, объясни, какого чёрта ты вламываешься ночью в моё шале?

— В твоё? — я даже рассмеялся. Коротко, зло. — Женщина, у меня ключи от этого дома с того дня, как в нём положили последнюю доску.

— А у меня ключи от администрации. Вот, — она кивнула на тумбочку, где лежала связка с деревянным медведем. — И документы с подписью вашей управляющей. Хочешь, покажу, где расписаться, что ты идиот?

Я замер. Брелок я узнал. Мой запасной комплект. Он хранился в сейфе у Ирины Васильевны.

В голове щёлкнуло сообщение Светы: «Накладка с бронированием. Разбираемся».

Разобрались, твою мать.

— Значит, так, — сказал я медленно, чувствуя, как злость перестраивается и находит новую цель. — Мои сотрудники поселили тебя сюда.

— Твои? — теперь она прищурилась. Я буквально видел, как в её голове складывается пазл, и мне это не понравилось. — Так это ты здесь главный? Тот самый «босс», которым Ирина Васильевна пугала свою девочку на ресепшене, пока я ждала?

— Допустим.

Она улыбнулась. Медленно, хищно, одними губами. Глаза не улыбались вообще.

— Отлично, — протянула она. — Значит, мне не придётся тратить силы на мелкую сошку. Претензии сразу по адресу.

Гладиатор переводил взгляд с меня на неё и обратно, как зритель на теннисном матче. Потом тяжело вздохнул, улёгся у её ног и положил морду ей на ступни.

Я уставился на пса.

Гладиатор не подходит к чужим. Никогда. За шесть лет он не позволил погладить себя ни одной женщине, которую я приводил. Тамилу он и вовсе однажды загнал на кухонный стол и держал там, пока я не вернулся из душа.

А эту рыжую он облизывает и кладёт на неё морду, как на любимую подушку.

— Предатель, — бросил я ему.

— Умный пёс, — парировала она. — В отличие от хозяина, сразу понял, кто тут прав.

Я оттолкнулся от косяка и шагнул в комнату. Она не отступила ни на миллиметр. Только подбородок вздёрнула выше, и я почувствовал её запах сильнее. Тот самый, сладкий с горчинкой.

Плохо. Очень плохо. Потому что тело отреагировало раньше головы.

— Слушай меня внимательно, рыжая, — понизил я голос. — Сейчас два часа ночи. За окном метель, и до базы десять минут через лес, который тебе ночью лучше не видеть. Я устал, я злой, и я хочу спать. В своей кровати.

— Сочувствую, — она скрестила руки на груди, зеркала мою позу. — Потому что в своей кровати буду спать я. Косяк твоих людей — значит, твой косяк. А за косяки, Морозов, платят. Я застыл.

— Откуда ты знаешь мою фамилию?

Она медленно кивнула на стену за моей спиной. Я обернулся.

Грамота. Чёртова рамка с благодарностью от администрации района «Артуру Олеговичу Морозову за развитие туризма». Висела тут уже три года, а я её даже не замечал.

Когда я повернулся обратно, рыжая уже сидела на кровати, закинув ногу на ногу, и смотрела на меня так, будто я был досадной ошибкой в её отчёте.

— Спокойной ночи, Артур Олегович, — пропела она ледяным тоном. — Дверь закрой с той стороны.

И вот тогда я понял, что эта ночь будет очень длинной.

Глава 5

Он не ушёл.

Ну конечно, не ушёл. Мужчины вроде него не уходят, когда их выставляют. Они стоят, расставив ноги, будто вросли в пол, и смотрят сверху вниз, как на назойливую муху, которую лень прихлопнуть.

Я видела таких сотни. На совещаниях, на переговорах, в кабинетах, где мне, рыжей девчонке без связей, приходилось выгрызать каждый свой проект. Они всегда думали, что я сломаюсь. Что заплачу, растеряюсь, начну строить глазки.

Ни разу не угадали.

— Ты, кажется, не расслышал, — повторила я, глядя на него снизу вверх. — Дверь. С той стороны.

— А ты, кажется, не поняла, — он прошёл в комнату, будто меня здесь вообще не было, и стянул через голову свитер.

Я подавилась воздухом.

Широкие плечи. Рельеф, который не накачивают в фитнес-клубах, а получают, таская брёвна или чьи-то разбитые надежды. На рёбрах тонкий белый шрам. Тёмная дорожка волос уходила под ремень джинсов.

Где-то внутри, очень глубоко, там, где я давно всё заколотила досками, что-то предательски дрогнуло.

«Каролина, ты сейчас серьёзно? — рявкнул внутренний голос. — Мужик вломился к тебе посреди ночи, а ты пялишься на его пресс?»

Пялюсь. И что? Мне почти тридцать, а не тринадцать. Посмотреть мне никто не запретит. Это не значит, что я ему эту кровать уступлю.

— Стриптиз не поможет, — сказала я холодно, поднимая взгляд к его лицу. — Я видела и лучше.

Он замер с рукой на ремне. Повернул голову. В его серых глазах на мгновение вспыхнуло что-то опасное, тёмное. Не обида, нет. Интерес.

— Сомневаюсь, — бросил он с ленивой усмешкой.

— А ты не сомневайся. Ты одевайся. И выметайся.

— Это моя комната.

— Это комната, которую мне выдали вместе с ключами, договором и обещанием, что я буду «в восторге», — я поднялась с кровати и встала прямо перед ним. Пришлось задрать голову, но я сделала это так, будто смотрю сверху. Годы тренировок. — Знаешь, Морозов, я почти сутки добиралась до твоих гор. Мне сломали бронь, отправили через тёмный лес в дом на отшибе, а теперь ещё и полуголый хозяин с собакой требует освободить койку. Как думаешь, насколько я в восторге?

Он смотрел на меня долго. Очень долго. Так, что по позвоночнику пробежал холодок, а следом за ним, совсем некстати, жар.

— Внизу есть гостевая, — наконец процедил он. — Нормальная кровать, свой санузел.

— Отлично. Вот и иди туда.

— Женщина...

— Каролина, — отрезала я. — Не «женщина», не «рыжая», не «эй ты». Каролина Громова. Можешь записать, раз уж у тебя проблемы с учётом гостей.

У него дёрнулся желвак на скуле. Я почувствовала маленькое злое удовольствие, как будто поставила галочку в списке: «вывести из себя самоуверенного самца — выполнено».

— Громова, значит, — протянул он, перекатывая мою фамилию на языке, как глоток крепкого виски. — Подходит.

— Морозов, значит, — вернула я ему тем же тоном. — Тоже подходит. Особенно к твоему гостеприимству.

Гладиатор, всё это время лежавший у кровати, вдруг поднялся, потянулся, зевнул во всю огромную пасть и запрыгнул на постель. Улёгся ровно посередине, занял собой ровно половину матраса и блаженно закрыл глаза.

Мы оба уставились на пса.

— Гладиатор, слезь, — приказал Морозов.

Пёс приоткрыл один глаз и демонстративно закрыл его снова.

Я не выдержала и фыркнула. Смешок вырвался сам, короткий и неожиданный даже для меня. Я не помнила, когда последний раз смеялась вот так, без сарказма, без желания кого-то уколоть.

Морозов посмотрел на меня, и в уголке его рта что-то дрогнуло. Почти улыбка. Почти.

— Он тебя выбрал, — сказал он тихо и, кажется, удивлённо.

— Он выбрал правильную сторону, — я подошла к кровати и погладила пса по огромной лохматой голове. Он довольно засопел. — Значит, так. Расклад простой. Комната моя, пока твои люди не исправят свой косяк. Пёс может остаться, он воспитанный. А ты — где хочешь. Диван, гостевая, машина, сугроб. Мне плевать.

— Ты понимаешь, что торгуешься с хозяином дома?

— Я не торгуюсь, — я развернулась к нему. — Я ставлю условия. Торговаться будешь со своей управляющей, когда утром будешь выяснять, кто из них решил, что твоя спальня свободна.

Он подошёл ближе. Слишком близко. Я чувствовала тепло его тела, запах мороза, кожи и чего-то древесного. Он навис надо мной, и на долю секунды мне показалось, что сейчас он просто подхватит меня и вынесет за дверь вместе с моим красным чемоданом.

Но он только наклонился к моему уху и прошептал так низко, что у меня поджались пальцы на ногах:

— Ты наглая, Каролина Громова.

— А ты медленный, Артур Олегович, — прошептала я в ответ, не отводя глаз. — Я жду уже три минуты, а ты всё ещё в моей комнате.

Он выпрямился. Посмотрел на меня ещё секунду тяжёлым, нечитаемым взглядом. Потом наклонился, сгрёб с кресла свитер и забрал с кровати одну подушку. Вторую, ту, на которой лежала морда Гладиатора, трогать не рискнул.

— Утром поговорим, — бросил он у двери.

— Утром я буду спать, — ответила я. — До обеда. В отпуске. Не будить.

Дверь закрылась. Чуть громче, чем нужно.

Я стояла посреди комнаты, слушая, как скрипят под его шагами ступени, и только тогда позволила себе выдохнуть. Сердце колотилось так, будто я пробежала марафон. Ладони вспотели.

— Ну и что это было? — спросила я у Гладиатора.

Пёс открыл глаза, посмотрел на меня понимающим взглядом и подвинулся, освобождая мне ровно половину кровати.

Я заперла дверь на защёлку. Подумала. Подперла её креслом.

Не потому, что боялась его.

А потому, что начала бояться себя.

Глава 6

Диван в гостиной был куплен для красоты. Не для того, чтобы на нём спал мужик ростом под метр девяносто.

К шести утра я ненавидел этот диван, свой дизайнерский вкус, метель, Ирину Васильевну и, особенно, одну рыжую заразу, которая спала сейчас в моей кровати с моим псом.

Я лежал, закинув руку за голову, смотрел, как сереет за панорамным окном небо, и пытался понять, какого чёрта я согласился.

Потому что я мог её выставить. Мог. Вызвать снегоход, позвонить администратору, сгрузить её вместе с красным чемоданом в любое свободное шале. Да хоть в свой кабинет на базе.

Но не сделал.

Она стояла передо мной, маленькая, злая, с горящими глазами, и резала меня словами. Не флиртowała, не строила из себя обиженную принцессу, не ждала, что я стану её спасать. Она реально хотела, чтобы я свалил.

И это, мать его, заводило так, что я полночи паялся в потолок.

Я встречал разных женщин. Красивых, умных, дерзких. Все они рано или поздно показывали одно и то же: огрызаются, чтобы я заметил. Колются, чтобы я начал завоёвывать. Игра. Я знал её правила наизусть, и она давно мне наскучила.

Каролина Громова не играла. Она отбрасывала меня так, будто я был очередной проблемой в её расписании. И послала бы нахрен, не моргнув, если бы я дал повод.

Впервые за много лет мне стало интересно.

Я поднялся, размял затёкшую шею и взял телефон. Ирина Васильевна ответила на втором гудке. Видимо, уже знала, что этот звонок будет.

— Артур Олегович, доброе утро, я как раз хотела...

— Как раз хотела объяснить, почему в моём доме живёт посторонняя женщина? — спросил я очень спокойно.

На том конце повисла тишина. Мои сотрудники знали: когда я спокоен, лучше бы я орал.

— Произошёл сбой в системе бронирования, — затараторила она. — Двойная бронь на «Рассвет». Вторая бронь шла по корпоративному договору, мы не могли её снять. А у гостыи предоплата, она была очень... настойчива. Свободных домов не было, а «Северный» числится у нас как резервный. Я не знала, что вы приедете, вы же не предупредили...

— Я не обязан предупреждать о приезде в собственный дом.

— Конечно, конечно. Я сегодня же всё решу. Через пару дней освободится «Рассвет», и мы её переселим, а пока можем...

— Сбрось мне её данные, — перебил я.

Пауза.

— Простите?

— Бронь, анкету, всё, что есть. Хочу знать, кто спит в моей кровати.

Через пять минут на почту упал файл. Я открыл его, прислонившись к кухонному острову.

Громова Каролина Андреевна. Город у чёрта на рогах, отсюда больше суток пути. Две недели проживания, оплачены полностью, сразу, без рассрочки. Пометка в пожеланиях: «Уединение. Тишина. Никаких анимаций и соседей».

Я хмыкнул. Тишина и уединение. А получила меня, Гладиатора и диван, который скрипит, как несмазанная телега.

Взгляд зацепился за дату рождения.

Через шесть дней ей исполнится тридцать.

Я ещё раз пересчитал. Через шесть. Она приехала одна, в глушь, за тысячи километров от дома, чтобы встретить тридцатилетие в полной тишине.

Что-то неприятно кольнуло под рёбрами. Так не отмечают праздник, когда тебя ждут дома. Так сбегают.

Я знал, как это выглядит. Сам так сбегал. Каждый свой день рождения последние десять лет.

Наверху скрипнула дверь. Послышались тяжёлые шаги Гладиатора, а за ними лёгкие, почти неслышные.

Я сунул телефон в карман и включил кофемашину. Достал сковородку. Вбил яйца. Руки работали сами, а мозг почему-то упорно рисовал рыжие волосы на моей белой подушке.

— Ты ещё здесь, — раздалось с лестницы.

Не вопрос. Констатация с ноткой глубочайшего разочарования.

Я обернулся.

Она стояла на середине лестницы в огромном сером свитере. Моём. Висевшем в шкафу. Свитер доходил ей до середины бедра, а ниже шли голые ноги в толстых шерстяных носках. Волосы торчали во все стороны рыжим облаком, на щеке остался след от подушки, а взгляд был таким колючим, что им можно было колоть лёд.

Я забыл, как дышать.

— Это мой свитер, — сказал я, когда смог.

— Это компенсация, — она спустилась, прошла мимо меня, как мимо мебели, и взяла кружку, которую я только что наполнил для себя. — В комнате было холодно, а мои вещи в чемодане внизу. А кто-то храпел на диване, и я не рискнула идти мимо.

— Я не храплю.

— Ещё как храпишь. Гладиатор подтвердит.

Пёс сидел между нами и смотрел на сковородку с такой надеждой, будто от этой яичницы зависела вся его жизнь.

Каролина отпила кофе, прикрыла глаза и тихо, почти неслышно выдохнула. На одну секунду её лицо стало другим. Мягким, уставшим. Таким, каким его, наверное, никто никогда не видит.

А потом она открыла глаза, и броня встала на место.

— Ну что, Морозов? Разобрался со своими сотрудниками? Когда меня переселят?

Вот он, момент. Скажи ей. Через пару дней освободится «Рассвет», чемодан в руки, и мой дом снова мой. Тишина, одиночество, никакой рыжей занозы.

— Разбираюсь, — сказал я и проверил яичницу. — Пока ничего нет.

Она прищурилась, явно не веря ни одному слову.

— Ты врёшь.

— С чего ты взяла?

— Интуиция.

Я застыл с лопаткой в руке. Медленно повернулся к ней. Она смотрела на меня поверх моей же кружки, в моём же свитере, и улыбалась уголком губ. Ехидно. Победно.

И, чёрт возьми, я понял, что пропал.

Не влюбился, нет. Я в эту херню давно не верю. Но я уже точно знал: никуда эта рыжая отсюда не переедет.

Даже если для этого мне придётся спать на проклятом диване все две недели.

— Ешь, — я поставил перед ней тарелку. — А потом обсудим правила совместного проживания.

— Правила? — она выгнула бровь. — Морозов, ты, кажется, не понял. Правила здесь теперь устанавливаю я.

Гладиатор радостно гавкнул.

И я впервые за много лет рассмеялся по-настоящему. Вот же зараза рыжая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.